

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

РАБОЧАЯ СИЛА
И КЛАССОВАЯ БОРЬБА
НА ТЕКСТИЛЬНЫХ
МАНУФАКТУРАХ

в 20-60 гг.

XVIII в.

Елизавета Ивановна Заозерская
**Рабочая сила и классовая борьба
на текстильных мануфактурах России
в 20—60-х годах XVIII века**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. И. Юхт*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № 32—81В Сдано в набор 12/IX 1960 г.

Подписано к печати 22/XII 1960 г.

Формат 60×92¹/₁₆ печ. л. 28,25 усл. печ. л. 28,25
уч.-изд. л. 27,4+2 вклейки. Тираж 1300 экз. Т-14389

Изд. 4833 Тип. зак. № 3499

Цена 18 р. 20 к. с 1/1 — 61 г. — 1 р 82 к.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
Глава I. Общий очерк развития текстильной мануфактурной промышленности в 1720—1760-х годах	33
Глава II. Формирование рабочей силы и характер труда на текстильных мануфактурах в 1720—1730-х годах	110
Глава III. Принудительный труд в 1740—1760-х годах	180
Глава IV. Наемный труд в 1740—1760-х годах	255
Глава V. Положение наемных и принудительных мастеровых и работных людей	313
Глава VI. Классовая борьба на текстильных мануфактурах в 1720—1760-х годах	373
Заключение	429
Именной указатель	436
Географический указатель	446

АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

РАБОЧАЯ СИЛА
И КЛАССОВАЯ БОРЬБА
НА ТЕКСТИЛЬНЫХ МАНУФАКТУРАХ
РОССИИ

в 20-60 гг

XVIII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1960

От автора

Настоящая монография является продолжением моей книги «Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века» (М., 1953). Конечная хронологическая дата первого исследования (середина 20-х годов XVIII в.) является начальной для второго. Как в той, так и в другой книге основной предмет изучения — текстильная промышленность в ее трех отраслях — полотняной, суконной и шелковой. Но поскольку в первой четверти XVIII в. Москва была единственным в своем роде средоточием текстильных мануфактур, ее пределами были ограничены территориальные рамки темы в первой книге, хотя в главе IV «Удельный вес московской мануфактуры» последняя рассматривалась на общем фоне состояния легкой промышленности в стране.

Для последующих десятилетий такое территориальное ограничение не являлось правомерным, поскольку в течение их Москва сохраняла прежнее значение центра только для шелковых мануфактур. Полотняные и суконные рассеялись по многим городам и уездам, из которых некоторые к концу изучаемого нами периода выявились как новые районы сосредоточения текстильных мануфактур, более насыщенные, чем Москва¹. Последняя не может характеризовать состояния и развития русской текстильной промышленности в целом в 40—60-х годах XVIII в.

Расширение территориальных границ, при условии большого роста текстильной мануфактурной промышленности на протяжении 20—60-х годов, повело к сужению темы в двух направлениях: сосредоточению внимания не на всей легкой промышленности, как это было в первой книге, а только на текстильной, затем — и это главное — на одной стороне в истории данной отрасли промышленности — ее рабочей силе. Но вопросы о рабочей силе, ее формировании и теснейшим образом связанная с ними проблема характера труда и социаль-

¹ Территориально мы ограничиваемся в данной работе пределами Европейской части России, без Украины.

ной природы русской мануфактуры XVIII в. являлись основными, ведущими также в первой книге, так что и в этом отношении настоящая монография служит ее продолжением. Поэтому фактические данные о состоянии рабочей силы и выводы о характере труда, сделанные нами на конец первой четверти XVIII в., являются исходными для данного исследования, и мы вынуждены часто обращаться к ним на страницах новой книги.

Самая постановка вопроса о характере труда и выяснение именно с этой точки зрения пути развития текстильной промышленности на протяжении взятого нами сорокалетия делает центральными три главы монографии — вторую — «Формирование и характер труда на текстильных мануфактурах в 20—30-х годах XVIII в.», третью — «Принудительный труд на текстильных мануфактурах в 40—60-х годах» и четвертую — «Наемный труд» за те же годы. В них детально рассматриваются основные виды или категории труда, существовавшие на текстильных мануфактурах, история формирования каждой из этих категорий, их соотношение и значение в обеспечении рабочей силой текстильных мануфактур с середины 20-х по середину 60-х годов.

Менее обстоятельно обследовано положение русских текстильщиков в главе пятой. Главам, непосредственно раскрывающим нашу тему, предпослан общий очерк, знакомящий читателя с состоянием и развитием трех отраслей текстильной промышленности: полотняной, суконной и шелковой.

Основным содержанием и ведущей проблемой исследования о роли и соотношении наемного и принудительного труда, а отсюда — о социальной природе текстильной крупной промышленности, обусловлена конечная хронологическая грань работы — начало 60-х годов, когда в силу разных причин в законодательном порядке был положен предел дальнейшему расширению принудительного труда на мануфактурах. Законы 1762 г. о запрещении покупки крестьян и приписки к мануфактурам людей главным образом из деклассированных элементов, надо думать, были приурочены к началу третьей ревизии. Привели же к ним те изменения и условия, которые сложились к началу 60-х годов XVIII в. и послужили основанием для столь важного поворота в «рабочем вопросе» того времени и дальнейшем развитии русской мануфактуры в капиталистическом направлении.

ВВЕДЕНИЕ

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Вопрос о характере труда и социальной природе русской мануфактуры в не меньшей степени относится к истории крупной промышленности второй четверти XVIII в., чем предыдущего, петровского периода. То, что в исторической литературе он подвергался меньшему обсуждению, часто не выделяясь как самостоятельный, объясняется главным образом тем, что царствование Петра I с его крупными внешними событиями и внутренними преобразованиями, в том числе быстрым утверждением и развитием крупной промышленности, во все времена привлекало и привлекает несравненно больше внимание исследователей, чем «бесславный» период, последовавший за ним и характеризовавшийся обычно в литературе как время упадка в разных областях жизни и прежде всего в экономике.

В действительности же это было время дальнейшего развития экономики страны, в частности мануфактурной промышленности как в металлургии, так и в обрабатывающих отраслях, в первую очередь текстильных мануфактур.

Что касается характера труда и пути развития крупной промышленности на протяжении последующих десятилетий, в литературе также давно установилось общее представление о широком распространении разных видов принудительного труда в 30—40-х годах, а затем о повороте к наемному, начиная с середины века.

В результате намечался более сложный, как бы зигзагообразный путь развития, явственный выступающий в обрабатывающей промышленности, так как в металлургии принудительный труд занимал большое место в течение всего XVIII в. Эти вопросы ставились и в досоветской историко-экономической литературе, при этом наиболее полно в известной работе видного представителя буржуазной полит-

экономии проф. Туган-Барановского¹, поэтому мы довольно подробно изложим концепцию автора.

Пытаясь объяснить «экономической необходимостью» установление господства крепостного труда в русской промышленности в 30-х годах, Туган-Барановский начало этого явления относил к концу царствования Петра I: «Иными словами, петровские фабрики не могли держаться вольнонаемным трудом». И со времени указа 18 января 1721 г. (о покупке к мануфактурам деревень. — *Е. З.*), по словам автора, «петровские фабрики быстро перешли от свободного к принудительному труду». Под действием дальнейших указов, вызванных той же «экономической необходимостью», «в течение последующих 15—20 лет, особенно по указу от 7 января 1736 г., крепостной труд в промышленности получил распространение вширь и вглубь». «Таким образом,— читаем на стр. 26 той же книги,— состоялось окончательное прикрепление мастеровых к фабрикам, и наша фабрика приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили телесные наказания».

Такой представляется автору русская мануфактура второй четверти XVIII в.; ей противопоставляется крупная промышленность второй половины XVIII в. в отношении не только ее быстрого роста, но также изменения характера труда. Не приводя сколько-нибудь значительных и убедительных данных, М. И. Туган-Барановский делает в категорической форме следующее заключение: «Цифра вольнонаемных рабочих на русских фабриках быстро росла в течение второй половины XVIII века». Автор не определяет, с какого времени начался этот процесс, но совершенно ясно его мысль сводится к тому, что в условиях крепостной России на протяжении нескольких десятилетий русская мануфактура в своем развитии пережила в процессе формирования рабочей силы два противоположных этапа: в 1720—1740 годах — переход от вольнонаемного труда к принудительному, а затем, наоборот, от принудительного к вольнонаемному. И это совершалось в общих условиях господства крепостного строя и даже «золотого века» для дворянства при Екатерине II.

Поскольку эти наблюдения проф. Туган-Барановского

¹ М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, изд. 3-е. СПб., 1907. Отдельных ссылок при изложении концепции не дается.

В дальнейшем мы привлекаем не все работы, авторы которых касались общей проблемы социально-экономической природы русской мануфактуры XVIII в., а те, в которых в той или другой степени ставился вопрос о своеобразном пути развития ее, применительно главным образом к первой половине XVIII в.

касаются существа нашей темы и хронологически приходятся на отрезок времени, которым она ограничивается, необходимо остановиться на тех причинах или основаниях, которыми автор объясняет этот своеобразный путь развития русской мануфактуры в XVIII в.

«Экономическую необходимость» перехода от наемного труда первых двух десятилетий XVIII в. к принудительному М. И. Туган-Барановский видел в существовании в России крепостного строя, обуславливающего отсутствие «класса свободных рабочих»², хотя наличие «капиталистического класса», другими словами, буржуазии, автор признавал. Тем самым тот, кто считал себя «марксистом», нарушал одно из основных положений исторического материализма — одновременное возникновение и развитие двух основных классов, приходящих на смену феодальным.

Владельцы мануфактур не дворяне (а они абсолютно преобладали) жаловались на недостаток и даже на невозможность найти требуемое количество нужных рабочих и необходимость «набирать всякий сброд», как квалифицирует буржуазный автор элементы, которые в силу тех или других обстоятельств выбрасывались на улицу и в какой-то степени являлись жертвами феодального классового общества, а именно: малолетние нищие, солдатские дети, беглые, т. е. люди, не выдержавшие крепостной эксплуатации, а также обвинявшиеся в разных проступках, и сысьные. По мнению Туган-Барановского, не подкрепленному фактами (а факты, как увидим ниже, противоречат этому), труд этого «сброда» поощрялся палкой и отличался низкой производительностью, «благодаря чему принудительная работа оказывалась более выгодной для фабрикантов». Правительство же Петра I и его преемников пошло навстречу требованиям об обеспечении крупной промышленности принудительным трудом.

Стараясь подкрепить свою теорию об «экономической необходимости» появления в России крепостной мануфактуры, автор ссылался на другого адепта буржуазной политэкономии — П. Струве, приводя следующую весьма выразительную для всей концепции обоих авторов цитату: «Разные способы прикрепления рабочих к фабрикам и заводам, практиковавшиеся русским правительством в XVIII в., наглядно свидетельствуют о невозможности создать в обществе, осно-

² «Социальное и экономическое положение тогдашней России было таково, что капиталистическое производство у нас было невозможно. Для последнего в России не хватало самого важного условия — класса свободных рабочих. Вся масса сельского населения была несвободна: часть была крепостными государства, часть — помещиков. Городское население было немногочисленно и в значительной степени слагалось из тех же крепостных» (там же, стр. 20).

ванном на натуральном хозяйстве (Туган-Барановский называл его «первобытным», стр. 25 — *Е. З.*), известную организацию производства иначе, как опираясь на личную зависимость». Эту поддержку у Струве ищет тот, кто выступал против точки зрения П. Н. Милюкова об искусственном происхождении петровских мануфактур, не имевших в России условий для естественного возникновения и роста. По существу же Туган-Барановский приходит к тем же выводам об отсутствии в России XVIII в. условий для возникновения крупной промышленности.

В противоположность европейским странам в России, по словам Туган-Барановского, «не только обученных, искусных рабочих получить было неоткуда, но даже и не обученных рабочих доставать было крайне трудно».

В настоящее время благодаря упорным изысканиям советских историков мы знаем, что это хозяйство не было «первобытным», налицо имелись необходимые предпосылки — ясно определившееся общественное разделение труда, развитое ремесло, мелкотоварное производство и рост рынка, обусловленные ростом потребностей населения и государства. В процессе первоначального накопления капитала хотя и в своеобразных, не классических формах происходило отделение непосредственного производителя от средств производства, так же как накопление в руках отдельных представителей дворянства и купечества денежных средств, вкладывавшихся в производство. Эти явления в разной степени прослеживаются в социально-экономическом развитии России XVII—XVIII вв., что и послужило необходимой почвой для возникновения и роста мануфактуры.

Фактический материал свидетельствует о том, что многие из тех, кого Туган-Барановский относит к «сброду», занимались на работы на разные сроки к разным чинам людям, в том числе на мануфактуры, не только для «прокормления», но и «для науки», получая здесь навыки, производственный опыт и квалификацию. Среди них две трети принадлежали к выходцам из крестьян и посадских людей³.

Между тем об этих явлениях Туган-Барановский и в дальнейшем ничего не говорит как об условиях констатируемого им перехода от принудительного к наемному труду во второй половине XVIII в. В объяснение такого перехода автор приводит одно соображение — появление в составе принудительных работников мануфактур обученных кадров:

³ См. мои работы «Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века» (М., 1953), главу VII и «Бегство и отход в первой половине XVIII века» (сб. «Первоначальное накопление в России», М., 1958).

«С течением времени число обученных рабочих, выучившихся своему делу на самой фабрике, возросло, и устройство фабрик стало менее затруднительно». При сопоставлении с предыдущими высказываниями автора выходит, что в течение нескольких десятилетий господства на мануфактуре крепостного труда не в обществе, а внутри самой крепостной мануфактуры создалось недостававшее для ее капиталистического развития условие. Ясно, что такая концепция не объясняет своеобразного пути развития русской крупной промышленности в XVIII в. и вызывает лишь недоуменные вопросы, так как она ничего общего не имеет с марксистской теорией, хотя М. И. Туган-Барановский и причислял себя к марксистам. Правда, Туган-Барановский указывал и на то, что наем работников со стороны во второй половине XVIII в. облегчался распространением в помещичьих хозяйствах, особенно в центральных губерниях, оброчной системы эксплуатации крестьян. Между тем известно, что оброчная система уже в первой половине XVIII в. все шире распространялась в дворцовых и монастырских, а отчасти и в помещичьих владениях. Этим в значительной степени объясняется то обстоятельство, что среди мастеровых и рабочих людей текстильных мануфактур первых десятилетий XVIII в. третья часть принадлежала к крестьянству.

Таким образом, соображения Туган-Барановского противоречат не только марксистской теории, но и фактическому материалу — было кого нанимать и нанимали, вопрос в другом — в силу каких причин в 20—40-х годах предложение труда становилось недостаточным, с одной стороны, а с другой — почему владельцы мануфактур при наличии наемных кадров в 50—60-х годах и в эти годы настаивали на праве пользования принудительным трудом.

Мы подробно остановились на точке зрения М. И. Туган-Барановского потому, что она единственная в дореволюционной историко-экономической литературе, в которой более или менее развернуто поставлен вопрос, неразрешенный до настоящего времени и являющийся основным в нашей монографии, а именно — о путях развития русской мануфактуры в 20—60-х годах XVIII в. М. И. Туган-Барановским впервые были сделаны правильные наблюдения об усилении принудительного труда в 20—40-х годах и вольнонаемного в 50—60-х; но эти наблюдения, с одной стороны, совершенно недостаточно обоснованы фактическими данными, являясь скорее интуитивными, а с другой — они не получили должного объяснения. Но хотя основной вопрос остался неразрешенным, он не поднимался в течение 25—30 лет. Он возник как предмет специальной дискуссии уже в советской историче-

ской литературе начала 30-х годов в связи с докладом, а затем и выходом в свет статьи М. Ф. Злотникова «К вопросу формирования вольнонаемного труда в крепостной России»⁴.

Основное положение М. Ф. Злотникова сводится к противопоставлению характера труда на русских мануфактурах второй четверти XVIII в. мануфактуре предшествующих десятилетий с точки зрения роста принудительного труда в 30—40-х годах. «Переход от вольнонаемного труда к принудительному, изменивший коренным образом соотношение между вольнонаемным и принудительным трудом в пользу последнего,— пишет автор,— происходит во второй половине 30-х гг. и в первой половине 40-х гг. XVIII в.». В другом месте статьи этот переход автор характеризует как «решительный» (стр. 155). Начало его М. Ф. Злотников связывает с изданием указа 7 января 1736 г. о прикреплении «навечно» к мануфактурам мастеровых и работных людей, имевших ту или другую специальность, и закрепление этой практики при второй ревизии в 40-х годах. Положение о том, что «вольнонаемный труд имел значительное распространение до второй половины 30-х гг. XVIII в.», автор основывает на некоторых материалах 20-х годов, а главное — на данных переписи рабочих 1732—1733 гг. (т. е. накануне указа 7 янв. 1736 г.) на шести текстильных крупных мануфактурах и одном металлургическом заводе — Невьянском Демидова. Таким образом, учет далеко не полный. Вольнонаемными М. Ф. Злотников считает «пришлых», каковыми оказались все восемь с половиной тысяч рабочих шести текстильных мануфактур. По этому поводу выступавшие в прениях по докладу М. Ф. Злотникова отмечали, что докладчик должен был уточнить понятие «вольнонаемный труд»⁵. В ответ на это автор доклада и статьи пояснил, что, говоря о вольнонаемном труде, он имеет в виду «труд на фабрике по найму, независимо от того, находится ли нанимающийся в крепостной зависимости от помещика или нет».

М. Ф. Злотников остановился также на причинах, вызвавших рост принудительного труда за счет прикрепления ранее вольнонаемных работников по указу 1736 г. и по ревизии 40-х годов. Отвергая положение ряда авторов (С. М. Соловьев, Н. А. Рожков, М. И. Туган-Барановский) о том, что необходимость использования принудительного труда в промышленности была вызвана недостатком вольнонаемных рабочих в первой половине XVIII в., М. Ф. Злотников выдвигает другую причину, а именно погоню владельцев промышленных предприятий за дешевым и покорным работ-

⁴ «История пролетариата СССР», сб. I. М., 1930, стр. 143—153. Отдельных ссылок при изложении концепции автора не делается.

⁵ Краткое изложение выступлений см. там же, стр. 160—162.

ником, каким мог быть не вольнонаемный, а крепостной. «Фабриканты,— пишет автор,— добивались дешевых рабочих и притом таких, которые находились бы в их полном распоряжении и которых они могли бы беспречно эксплуатировать. Словом, фабриканты добивались дешевых и покорных рабов». Те же соображения в те же годы высказывал другой автор работ по промышленности, В. Н. Кашин⁶.

В концепции М. Ф. Злотникова, как она аргументировалась в то время, далеко не все убедительно, прежде всего в части фактических данных. Категорическое положение о том, что «капиталистический характер русской купеческой мануфактуры первых трех десятилетий XVIII в. несомненен», делается на основании данных всего по семи, правда, крупным мануфактурам. Затем, автор, не выясняя соотношения принудительного и вольнонаемного труда в 40—50-х годах, сводит все к прикреплению мастеровых и работных людей по указу 1736 г. М. Ф. Злотников не коснулся по существу происхождения этого указа и заинтересованности в нем разных социальных слоев; приращение рабочих сводится к акту правительственной политики, участвовавшей крепостнические чаяния фабрикантов и в этом отношении даже несколько ущемлявшей интересы господствующего класса. В связи с этим неясно также, почему на протяжении первых 30 лет XVIII в. владельцы мануфактур не стремились получать «дешевых и покорных рабов», а пользовались вольнонаемными, не раз высказывая пожелание, чтобы им дали возможность нанимать работников «безо всякой турбации». Почему интерес к принудительному труду проявился с такой силой в 30—40-х годах, а затем, видимо, снова ослаб, так как с середины XVIII в. снова на мануфактурах расширилась эксплуатация вольнонаемных. К этим недоуменным вопросам мы вернемся позднее, при анализе фактического материала, а сейчас перейдем к тем работам 1930-х годов, в которых высказывалась оценка социальной природы русской мануфактуры, противоположная точке зрения М. Ф. Злотникова.

К этим работам относится прежде всего статья С. Г. Томсинского под весьма выразительным названием «Крепостной или вольнонаемный рабочий?»⁷. Автор статьи решительно квалифицирует русскую мануфактуру всей первой половины XVIII в. как крепостную, делая исключение для начального

⁶ «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. I. М.—Л., 1935. Вступительная статья.

⁷ Статья напечатана дважды: в «Истории пролетариата СССР» (1933, № 1—2) и в издании «Крепостная мануфактура в России», ч. IV «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.» (Л., 1934). Отдельных ссылок не делается.

периода ее развития, а именно XVII в., хотя и тогда, по мнению автора, на тульских, олонекских и уральских заводах (неясно, о каких заводах на Урале может идти речь для XVII в.?) число вольнонаемных было меньше, чем крепостных. В дальнейшем соотношение становилось еще благоприятнее для последних. «Контингент крепостных рабочих,— пишет автор,— беспрестанно возрастал, вытесняя вольнонаемных. Мануфактура Петра имела уже незначительные кадры вольнонаемных рабочих». Таким образом, С. Г. Томсинский видел одно направление — в сторону развития крепостного труда, не замечая того зигзага, о котором писали Туган-Барановский и Злотников, и делая на это лишь ничтожную скидку — «момент добровольного найма имел некоторое значение только в начальный период создания заводов». Но «стоило рабочему очутиться на заводе, как он превращался в крепостного»,— констатировал автор, не располагая конкретными данными, не подкрепляя ими своих высказываний. Общие же соображения автора сводятся к следующему.

Самый акт привлечения рабочей силы на мануфактуры носил характер принудительной вербовки посредством: 1) перевода крепостных крестьян с сельскохозяйственных работ на мануфактуру для отбывания нового вида барщины; 2) насильственного превращения «в рабочих провинившихся крестьян, бродяг, проституток, нищих и т. д.»; 3) экспроприации в городах мелкой буржуазии, «мелких чиновников, низшего духовенства, гулящих, нищих, солдатских детей и других представителей свободных (отчасти бродячих) групп населения». Но эти «свободные группы населения» в стенах мануфактуры неизвестным образом превращались в крепостных. «Стоило этим свободным или полусвободным группам попасть на производство, как они немедленно закрепощались» — пишет автор, не сообщая конкретно, каким образом происходило это закрепощение. Но это не смущает автора, и он высказывает, также бездоказательно, еще одно ответственнейшее положение: «Процесс формирования рабочих на Урале, как и в центре страны, ничем не отличался от процесса закрепощения крестьян». Таким образом, автор, не смущаясь, отождествляет процесс раннефеодальной эпохи, обуславливавшийся собственностью феодала на основное в то время средство производства — землю с явлениями позднефеодального периода, развивавшимися в другой сфере производства в условиях развитого общественного разделения труда, товарного производства и обмена, когда земля уже теряла былое значение единственного источника существования. С. Г. Томсинский не отлича-

ет отношений, существовавших между крепостными крестьянами и их помещиком, основанных на феодальной собственности последнего на землю, от временных отношений между мастеровыми людьми и фабрикантом, основанных на договоре и заработной плате. Автор приводит данные о ходатайстве фабрикантов относительно прикрепления работников к мануфактурам. Однако, если бы дело обстояло так, как пишет сам автор,— «стоило рабочему оказаться на заводе, и он становился крепостным», эти ходатайства были бы излишними. При этом автор рецензируемой статьи даже не видит нужды или смысла в обосновании распространения крепостного труда в промышленности, и с этой точки зрения аргументация Злотникова ему кажется только осложняющей вопрос, по существу простой — в феодальном обществе могли существовать только крепостнические отношения. «Дело было гораздо проще,— пишет С. Г. Томсинский,— в феодальном крепостническом обществе и речи не могло быть о капиталистической фабрике», даже больше, мануфактура 30—40-х годов XVIII в. не имела даже «капиталистических элементов». Но эти рассуждения, так же как и то, что говорилось в отношении М. И. Туган-Барановского, вызывают тот же недоуменный вопрос: как же могла зародиться и развиваться в недрах тех же феодально-крепостнических отношений во второй половине того же века мануфактура с новыми, буржуазными чертами, что признает и С. Г. Томсинский. Приведенные им объяснения звучат слабо: «Значительные массы рабочих (6,5%), работавшие на других мануфактурах до поступления на основную (?) работу, незначительный процент занимавшихся сельским хозяйством, продолжительный рабочий стаж, связь с городом, частые стачки и волнения — все эти факторы,— пишет С. Г. Томсинский,— содействовали разложению крепостнической мануфактуры и созданию новой, капиталистической фабрики». Но спрашивается, почему «создание» последней можно относить ко второй половине XVIII в. и с яростью отрицать его для первой половины века, когда все перечисленные «факторы», как увидим ниже, отчетливо выступают по данным сказок 30-х годов?

Другая статья, посвященная непосредственно вопросу о формировании кадров для текстильной мануфактуры, была опубликована в конце 30-х годов.

Автор статьи И. С. Курицын⁸, так же как С. Г. Томсинский, является убежденным сторонником признания крепо-

⁸ И. С. Курицын. Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах XVIII в.— «Исторические записки», т. 9. Отдельных ссылок при анализе статьи не дается.

стного характера русской текстильной промышленности даже до конца XVIII в. В этом отношении весьма выразительно следующее общее положение автора: «Мануфактура XVIII века, являясь органической составной частью экономической системы страны, была вместе с тем наглядным выражением роста и распространения крепостных отношений, достигших своего апогея к концу данного столетия».

Не останавливаясь специально на характеристике мануфактуры первой четверти XVIII в., И. С. Курицын «начальные вехи принудительного комплектования рабочей силы» видит в законах 18 января 1721 г., разрешавшем покупку к мануфактурам деревень, и 7 января 1736 г. о прикреплении к ним квалифицированных мастеровых и работных людей. Отсюда, естественно, вытекает следующее заключение автора о составе рабочей силы текстильных мануфактур в 30—40-х годах XVIII в.: «Для 40-х и отчасти 50-х годов основной величиной в рабочем составе текстильных предприятий следует считать посессионных и приписных». Эти высказывания позволяют полагать, что социальная природа «петровской мануфактуры» представлялась автору несколько иной, когда еще не началось «принудительное комплектование» рабочих. В таком случае противопоставление второй четверти первой роднит точку зрения И. С. Курицына с концепциями Туган-Барановского и Злотникова. Но это лишь внешнее сходство, в противном случае автор противоречит самому себе. Дело в том, что, признавая известный процент наемных рабочих уже в середине XVIII в.⁹, отношения найма автор сводит к длительному закреплению или закабалению наемного, что делало его качественно отличным от работника капиталистического предприятия; ссылку же исследователей на наличие договора и контракта И. С. Курицын считает несостоятельной. Отсюда заключительная оценка социальной природы текстильной мануфактуры XVIII в.: «Однако рост числа «вольнонаемных» работников еще не означал принципиального изменения социальной природы мануфактур, так как крепостнические отношения оставались ведущими и для данной группы» (стр. 187).

Автор ставит также весьма важный вопрос: что заставило фабрикантов добиваться разрешения на принудительное комплектование рабочих путем покупки и прикреплении к работе «вечно». Он упрекает предшествующих исследователей в недостаточной продуманности, когда одни из них

⁹ «Таким образом, уже в середине XVIII в. существовала значительная группа наемных рабочих, а самый факт запретительных указов 1762 г. говорит о том, что мануфактуры, применяясь к новым условиям, все чаще обращались к этому виду рабочей силы» (там же, стр. 169).